Воспоминания Каюма Джамалетдиновича Надеева о войне трогают сердце читателя своей реалистичностью описания событий и боев. Начав службу в рядах Красной Армии в ноябре 1939 года, Каюм Надеев прошел огненными верстами до Вены. Бился с врагом в составе авиационного полка, обслуживая истребители. В его искренних рассказах, опубликованных сыном Рафиком Каюмовичем Надеевым, война предстает перед нами не только своей чудовищной стороной, но и фронтовым братством, отчаянной храбростью и самопожертвованием солдат и командиров и неожиданными поворотами судьбы. Примером чего является встреча на фронте с земляком Каняфией Сырмолотовым, с которым на гражданке до войны вместе трудились в партийных и комсомольских органах.

Более подробно с воспоминаниями К.Д. Надеева можно ознакомиться на сайте proza.ru. Кстати, его сын Рафик Надеев долгое время работал в аппарате Верховного Совета РФ, а затем в Государственной Думе Российской Федерации.

Редакция благодарит за поиск фотографии и материалов и представление их для публикации супругов Надеевых Райсу-апу и Кярима-абый, невестку и родного брата Каюма Надеева.

ПРОВОДЫ В КРАСНУЮ АРМИЮ

Проводили меня в Красную Армию 19 ноября 1939 года. Накануне в обкоме комсомола мне выплатили зарплату, выходное пособие, а также материальную помощь в размере месячного оклада. Проводов (я имею в виду гулянья и попойку) не было. Отец отвез меня в Саранск, на призывной пункт облвоенкомата, где произвели дополнительный медосмотр, и после обеда мы были уже на железнодорожной станции. Железнодорожный состав был собран со всей Мордовской республики, около двадцати товарных вагонов (теплушек). Наш Лямбирский район занимал два вагона. Райвоенком Степаненков назначил старшими вагонов меня и учителя Елховской средней школы Земскова, которого я хорошо знал по работе. Он был призван в тот же день, что и я. Мы собрались в призывном пункте в селе Лямбирь. По 8—10 человек мы заходили в комнату раздетыми, где находилась медкомиссия. Нам было очень неудобно перед членами комиссии, в основном женщинами, причем хорошо нам знакомыми. За столом сидели врачи-специалисты Соломонова и Аванова, райвоенком Степаненков и другие.

Среди нас было много учителей от 21 до 30 лет. В 1939 году по представлению наркома обороны К.Е. Ворошилова был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о всеобщей воинской обязанности. По этому указу учителя лишались брони или льгот. И сразу же осенью 1939 года школы, во всяком случае по нашему району, потеряли половину учительского состава. Ночью 25 ноября наш эшелон прибыл в город Славута Шепетовского района Украины.
Из числа имеющих высшее и среднее образование тут же сформировали полковую школу.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ ЗЕМЛЯКОВ
В полковой школе я оказался один из нашего района. Мои земляки были распределены в артбатарею на конной тяге и другие подразделения.
Я встречал их утром, когда они шли в конюшню чистить лошадей, а мы занимались строевой. Вечером мы собирались в ленинской комнате, где было уютно и тепло, и делились новостями. Это были Каюм Муртазин (наш зять), Каюм Ариков, Хамзя Сюткаев, Каюм Нарбеков, Аббас Батеряков. Все служили в полковой артиллерии, в одной батарее. И все они, кроме Муртазина и Нарбекова, погибли под Перемышлем в первый же день войны.
Когда немцы внезапно напали на нашу страну, 745-й СП находился на новой границе, в городе Перемышль. В полку поднялась паника, комсостав бросился спасать свои семьи и отправлять их в тыл. Командир полка капитан Михеев находился в госпитале, а и.о. командира полка, начштаба капитан Бородин не сумел возглавить командование в критический момент, и полк был разбит. Военный трибунал приговорил Бородина к расстрелу, комиссара полка разжаловали до рядового.

ПЕРВЫЕ ДНИ
ВОЙНЫ
Местом моей службы стала 194-я авиабаза 35-й дальнобомбардировочной авиадивизии в должности заместителя командира аэродромной роты.
В девять часов 22 июня объявил боевую тревогу через дежурного по лагерю. Я, в свою очередь, вскрыл пакет, который хранился в несгораемом ящике для дежурного по базе на случай боевой тревоги № 1.
Обслуживаемый нами полк на второй день войны рано утром поднялся в воздух и полетел во главе с командиром полка майором Кудиновым на бомбардировку вражеских танковых колонн. Первый вылет закончился потерей трех самолетов, четыре человека были ранены —штурман, летчик и два стрелка-радиста. После нескольких вылетов в полку из тридцати самолетов осталось пять, и те изрешеченные вражескими зенитными снарядами или пулями.
Потери полка были большие. Немцы сбивали наши самолеты над полем боя. Они летали без сопровождения истребителей, и защищать их было некому. Экипажи самолетов прыгали с парашютами и скрывались в лесах при помощи населения оккупированных районов, а потом переходили линию фронта, чтобы добраться к своим. Мы были уже в Ельце, когда к нам в часть явились совершенно неузнаваемые летчик и стрелок-радист из бомбардировочного полка. Капитан был обожжен — лицо и руки в рубцах, а сержант весь в шрамах. Как они рассказали, добраться до своих было делом нелегким. Около двух месяцев их выхаживала одна деревенская женщина. Едва встав на ноги, двинулись

в путь. Добирались, скрываясь в лесах, оврагах, у лесников, питались чем попало, и все-таки, когда войска Брянского фронта перешли в наступление в районе Ельца в декабре 1941 года и освободили часть оккупированных районов Орловской области, они оказались на освобожденной территории и нашли нас. Таким же образом добирались до своего полка и другие, сбитые над линией фронта, летчики, штурманы и стрелки-радисты. Но многим не везло, и они попадали в плен к немцам.
Однажды я опоздал на обед и застал в столовой всего нескольких офицеров. Мы обедали не спеша, обмениваясь новостями о событиях на фронтах. Вдруг послышался вой сирены, который, быстро усиливаясь, приближался к столовой. Мы сообразили, что это налет, и попадали на пол. Несколько бомб со страшным треском взорвались. Когда все стихло, мы поднялись и с удивлением стали оглядываться вокруг. Деревянное строение с нашей ленинской комнатой исчезло, вместо него образовалась воронка глубиной около пяти метров. Палатка, где я жил, была цела, а рядом стоящие снесло волной. Штабную землянку наполовину разворотило. Бомбы падали по ходу самолета, и расстояния между воронками были одинаковые. Через некоторое время из землянки выбрался помощник начальника химслужбы лейтенант Клименичев, который отделался легким ушибом в бедро. Пострадавших не было. Под общий хохот из старой ямы уборной вытащили начальника химслужбы. Он был весь запачкан — деваться ему было некуда, и он бросился в эту яму.

ДИЗЕРТИРЫ

В первый же день отступления наши три роты (аэродромная, техническая и рота связи) остались без продовольствия. Машина с провиантом, которая сопровождала нас, исчезла. В машине были помощник начальника штаба, старшина, несколько больных красноармейцев и ротное имущество. Потом говорили, что наш помощник начальника штаба оказался в Карачеве и служил немцам. Один командир взвода, бывший учитель, тоже ночью исчез в лесу.

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Однажды, прибыв в караул № 1, под охраной которого находились склады боеприпасов и авиабомб, мы с начальником караула командиром взвода нашей роты лейтенантом Кокаревым пошли проверять посты. Дошли до склада боеприпасов, а пост молчит. Пошли дальше, вглубь склада, — ни души. Я начал беспокоиться — где же часовой? Спрашиваю у лейтенанта, тот пожимает плечами. Предлагаю окликнуть по фамилии. Никаких признаков присутствия часового. Ночь темная, кругом сосны и ели под ветром шумят. Уже хотели поднять караул по тревоге, когда лейтенант чуть не наступил на грудь спящего часового, который в испуге вскочил на ноги. Это был рядовой боец Решетников, не новичок какой-нибудь, а пожилой колхозник из Орловской области. Вызвав другого бойца из караульного помещения, снял его с поста, привез в город и посадил на гауптвахту.
Решетников был осужден военным трибуналом на десять лет тюремного заключения с отбытием после окончания войны, а до тех пор его отправили в штрафную роту. Сон на посту не только на фронте, но и в тылу наказывался военным трибуналом строго.

ПОДВИГ

КОМАНДИРА

В начале июня немецкие войска возобновили наступление в районе Харькова. Полку было приказано наносить бомбовые удары по наступающим войскам врага, и командир полка Герой Советского Союза Горбко повел свой полк на боевое задание. Бомбардировка позиций противника была удачной, самолеты один за другим начали возвращаться на аэродром. Не вернулся в тот день только экипаж командира полка. Кто-то из летчиков заметил, что командир пошел на снижение, и больше он его не видел.

Мы предположили, что майор Горбко пошел на вынужденную посадку. Во время бомбометания немцы вели сильный зенитный огонь, и, возможно, самолет получил повреждения от зенитного снаряда. Все мы ждали возвращения экипажа. На второй день экипаж вернулся на попутных машинах, но без командира. Как рассказал главный штурман полка, который летал с командиром, над полем боя в самолет попал осколок снаряда и повредил крыло. Дальше лететь было опасно, и командир решил дотянуть до территории своих войск и посадить самолет. Земля была уже близко, когда самолет потерял управление, зацепил колесами телеграфные провода и уткнулся носом в землю. Штурман и стрелок-радист успели выскочить из самолета, а ноги командира зажало в кабине, и никакими усилиями нельзя было его вытащить. Самолет уже горел. Горбко приказал членам экипажа отойти от горящего самолета, передал им свои ордена и документы, а потом застрелился, чтобы не сгореть живьем.

С помощью бойцов наземных войск останки майора Горбко наши летчики предали земле там, где он погиб. Но командующий ВВС генерал Красовский приказал доставить останки в Елец и похоронить с почестями. Так и было сделано. На похороны вышло все население Ельца. Во время траурного шествия над городом барражировали десять истребителей.

Я всегда вспоминаю майора Горбко как отважного летчика, боевого и требовательного командира. Конечно, война унесла миллионы людей, от рядового до генерала. В сражениях на Харьковском направлении погиб и комиссар Бецис. Но наши потери не были напрасными.